

МОЙ ДРУГ—МЕЧТА

Указом Президиума Верховного Совета Молдавской ССР солисту балета Молдавского государственного театра оперы и балета Петру Леонидовичу ЛЕОНАРДИ присвоено почетное звание Заслуженного артиста Молдавской ССР. Мы публикуем сегодня материал, рассказывающий о творческом облике артиста.

□ □

ОТ ОМ, что Петр Леонарди музыкателен, техничен, что его танец темпераментен, обо всем этом писали газеты. Начала «Ленинградская правда». Она первой отметила «легкость прыжка», «чистоту вращений», «темпераментное исполнение» Леонарди, тогда еще только выпускника Ленинградского хореографического училища. Другие газеты, другие рецензенты раздавали ему иные похвалы, а иногда и «шишки», но все они говорили о молодом артисте, как о танцоре с будущим.

Оставим за рецензентами право делать заключения и предсказания. Сегодня мне, как другу Петра Леонарди, хотелось бы рассказать о другом, о чем порой умалчивали строгие критики.

Когда в зале кто-нибудь востор-

женно охает, глядя на воздушный прыжок принца Зигфрида, когда на сцену падают цветы и смущенный Леонарди прижимает руку к сердцу, мне вспоминается другой зал — тренировочный. В нем по десять, по двадцать раз, до пота, до изнеможения этот же Леонарди делает одно и то же движение. На его лице терпение сменяется отчаянием, болью, недоверием. И снова терпением. И эта смена настроений говорит о том, сколько воли, сколько настойчивости требует работа артиста. Сколько придирок предъявляет он к себе, чтобы затем на сцене быть беспечным самовлюбленным Фебом, отчаянным, нежным Вацлавом, тонким Ленни.

Признаться, когда-то в моем отношении к Леонарди была капля недоверия. Началась она с одного разговора, в котором артист признался, что мечтал бы протанцевать партию Альберта в «Жизели».

— Жемчужина балета... Альберт — это экзамен на зрелость, тонкий классический образ, — поделился он.

А во время Недели в Унгенах я видела, как этот же Леонарди, мечтающий о «тонком классическом образе», под дождем, на самодельной сцене танцевал перед колхозниками «Мексиканский

танец» Сливинского. Темперамент, лаконичные движения артиста словно смеялись над непогодой. Леонарди не замечал ее — он танцевал любимый характерный танец. Эта увлеченность и классикой, и характерным танцем, думалось мне, идет от неглубокого понимания искусства, от несерьезности, он бесшабашного увлечения ритмом, музыкой, сценой. И рада была, что... ошиблась. Помог в этом случай. Шла премьера «Последнего бала» Бирюкова. Рядом со мной в зале — две незнакомые девушки. Одна восхищенная, восторженная, вторая — сдержанная. Когда Глеб-Леонарди предал революционеров, та, что пошумливей, аплодировала, все обращаясь к подруге: что же ты, мол.

— Я ненавижу его, — прозвучал ответ. Лицо девушки было серьезно. Она действительно ненавидела белогвардейского юнкера. И в этом был успех Леонарди.

Так началось мое «отгадывание» творческих стремлений артиста. Не техника, не музыкальность, не самозабвенная влюбленность в танец — главное в его работе. Каждая новая роль — это мучительные поиски. Это поиски литературы, которая могла бы помочь, это дни, проведен-

ные над рисунками, изображающими античные вазы, это поиски колорита, атмосферы, времени, в котором живет герой. Леонарди никогда не повторяет жестов. Его Зигфрид страдает несколько пышно, аристократично, как подobaет переносить муки принцу. Страдает и учитель африканской деревушки Ленни. Сарри показывает на его черные руки, и Ленни съеживается, он хочет спрятать свои руки.

Леонарди любит Вацлава из «Бахчисарайского фонтана». Он дорог артисту тем, что заставил искать, сомневаться, находить, отвечать и снова искать. О Вацлаве Пушкин не оставил ни строчки. Мы не знаем, какой он. Леонарди искал этот образ в музыке Асафьева, он переживал, кажется, каждый ее звук, он искал своего Вацлава в мечтах Марии.

Сейчас Леонарди идет к своей артистической зрелости. Он мечтает о сложных шекспировских ролях и своей любимой роли Евгения из «Медного всадника». Он мечтает, как о самом большом счастье, раскрыть образ своего современника, одухотворенного молодого человека советского времени. Горячее его желание раскрыть перед зрителями душу героя напомнили мне то время, когда Петр Леонарди

только начинал мечтать о сцене.

Был он тогда совсем мальчишкой. И очень непослушным. По вечерам убегал в театр. И на следующее утро собирал сверстников и «играл» перед ними. Танцевал пьесу, изображая всех действующих лиц. Мимика, глаза, движения — все было подчинено тому, чтобы раскрыть друзьям смысл каждого образа. Он по-настоящему переживал, если они не понимали его молчаливых героев. Он искал детали, наиболее выразительные жесты... И мечтой было, чтобы все эти приемы стали понятны товарищам.

Когда Леонарди рассказывал об этой своей детской одержимости, он произнес: «Эта мечта — мой друг». Действительно, она оказалась большим другом артиста. Она направила его жизнь по пути благородного служения искусству.

Л. ЛАТЬЕВА.

СОВЕТСКАЯ
МОЛДАВИЯ

30 июня 1963 г.

3 стр.

«СОВЕТСКАЯ МОЛДАВИЯ»

г. Кишинев

